

«Воспарить и терпеть»

Нет, все-таки есть особое племя женщин в ЛЭТИ. Умных, ироничных, светских, эlegantных. После их ухода в воздухе витает тонкий аромат. Аромат женщины... Они не «острова», они — «островки». Нашлись — и не потерялись. О таких лучше упоминать не списком, а поименно. Доцент кафедры иностранных языков Ольга Алексеевна ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ поет в конце занятий со студентами французские песни. Учит их разбираться во французской литературе. И хотя они могут сказать на экзамене, что «Сент-Экзюпери с трудом окончил среднюю школу и поступил в Аэрофлот» или что «Чума была обнаружена посредством крыс, найденных доктором Блие», Ольга Алексеевна студентов любит. А в свободное время она общается с простыми и непростыми французами. Были среди них и Пьер Карден, и Валери Жискар д'Эстен...

— Ольга Алексеевна, вы себя женщиной с какой буквы в коллективе ЛЭТИ ощущаете — с большой или маленькой?

— Наверное, со средней. Я очень люблю женские коллективы, как это ни странно. На нашей кафедре иностранных языков 82 женщины. И два мужчины. И я не вижу здесь противных женских сложностей. Некоторыми женщинами просто потрясена — работают, учатся, содержат своих мужей, родителей, воспитывают детей и дают им дополнительное образование.

— С женщинами по жизни дружите?

— Это сложная проблема. У меня мало близких подруг, хотя круг знакомых — колоссальный. Есть старые, давнишние подруги. Школьные, институтские. Одна — физик. Причем никто бы никогда не догадался, что она очень хороший физик, потому что она — совершенная фея. Никогда не выйдет из дома с ненакрашенными глазами, без макияжа. Когда в далекие времена мы ездили на овощебазу, я угрюмо уходила в угол, а она с упоением перебирала гнилой лук. Своих подруг люблю нежно. Причем это не такая традиционная женская любовь-зависть.

— Где вы получали свое образование?

— Я сначала заканчивала ЛЭТИ, факультет вычислительной техники, но диплом защищала на французском языке. Тема — распознавание образа. Диплом, написанный на французском, оказался первым и последним. Больше таких отважных людей не было.

— Откуда хорошее знание языка?

— С детства, этим я обязана своим родителям.

— Вы из аристократической семьи?

— Смотря что считать аристократизмом... Мой папа был уникальной личностью. Его до сих пор помнят в ЛЭТИ, он был просто вулкан. Долгое время считался лучшим лектором института. Написал 15 книг. Он преподавал много разных курсов, но его любовью была теория магнетизма. Мистика, но он умер во время магнитной бури. Когда я разбирала его бумаги, нашла много стихов. У него — великолепное перо. А мама была самая близкая подруга — моя и моих подруг. Она работала дефектологом-логопедом. Причем совершенно фанатичным. Принимала всех, ее знал весь район. Бралась лечить детей, которые до пяти лет не говорили.

— Где после вуза стали работать?

— В лаборатории, связанной с математическим обеспечением. И совершенно случайно поехала во Францию переводчиком, потому что штатного переводчика забрали в армию. Это был 76-й год. Научно-исследовательский институт бумажной промышленности направлял во Францию рабочую группу. Страху я, конечно, натерпелась. Но за ту неделю, что там была, поняла: это — мое. Проверила свое знание французского очень интересно: в роскошном доме — по тем временам просто фантастика — устраивался прием. В гостиной площадью 120 квадратных метров на полу лежал ковер. А на нем — огромная собака в корзине. Я тихо сажусь рядом с собакой и говорю ей по-французски: «Дай лапу». И она из корзины мне эту лапу подает. Значит, понимает. Я тоже поняла, что без французского мне не жить. И поступила в Тверской университет на заочное отделение.

ние. Это одна из сильнейших лингвистических школ. Кстати, иметь рецензента-оппонента из Твери — большая честь. Стала работать переводчиком в НИИ «Буревестник». У них был отдел, который закупал огромное количество импортной аппаратуры, в основном французской. Приезжали наладчики, и с ними приходилось работать по полгода. В общем, мощная языковая практика. Это длилось два года. В тверском вузе меня пригласили в аспирантуру.

— А почему вернулись в ЛЭТИ?

— Я должна была вернуться. Вуз — родной. Пришла лаборантом на кафедру иностранного языка. Вела факультатив для технарей. Ужасное перестроечное время, они изможденные и худосочные, а у нас любимая тема — «Кулинария». Я им давала доступные рецепты, как из ничего что-то сделать. Посещаемость была стопроцентная.

— Лягушек учили готовить?

— Конечно! Рассказывала им, как обращаться с лягушкой, что из нее можно приготовить. Давала настоящие французские рецепты. И получила от этой группы по окончании года самый трогательный букет — они мне принесли «поленницу» гладиолусов. Я сказала: ребята, вы бы лучше кусок мяса себе купили... Замечательно было с ними работать. Тогда же пыталась придумать что-то неожиданное и им интересное, чтобы хоть как-то развязать язык. Это сейчас есть специальная коммуникативная методика — когда человек обязан каким-то образом объясниться.

— Как дальше развивались ваши отношения с Францией?

— В 94-м году была полгода на стажировке в Гренобле. Мы очень много путешествовали. Стипендия, конечно, ниже прожиточного уровня, но тем не менее... У меня был выбор — или шуба, или Венеция.

— И что?

— Я, естественно, выбрала Венецию и не жалею ни секунды. Еще мы были на Лазурном берегу, на открытии Каннского фестиваля. Были в Марселе, в замках Луары. Семья выкупает маленький средневековый замок и устраивает там гостиницу. Однажды мне надо было позвонить домой, я спрашиваю — как? Говорят — идите через поле, там стоит будка. Иду через поле, собаки лают, за мной — замок средневековый, звоню в Петербург...

— Вы ведь еще и гидом работаете?

— Да. И это занятие очень люблю. Часто бывают эксклюзивные экскурсии. Допустим, провожу экскурсию «Французы в Петербурге» — для французских студентов. В этом году меня попросили сделать экскурсию по этнографическому отделу Русского музея для банкиров, которые спонсируют наш Мариинский театр и Эрмитаж. Банкиры были далеки от русской культуры. Хотя люди они интересные. Например, директор знаменитого театра Шатле, где проходили в свое время «Дягилевские сезоны». Величественный, неприступный... Но искусство — живое народное, веселое — всех преобразило.

Французам было забавно узнать, что в северных русских деревнях корова была самым любимым животным и девушку, выходящую замуж, звали «телка». Это был комплимент. Теперь все наоборот.

А самыми капризными оказались два туриста из Швейцарии. Очень богатые молодые мужчины, у каждого по самолету. Когда они приехали в Петербург, сказали, что их здесь вообще ничего не интересует, они столько уже видели, что им все надоело. Стояла зима. Я подняла их на смотровую площадку Петропавловской крепости, и они замолчали. Потому что увидели, как падает снег. Я не знаю ни одного человека, который бы не был покорен городом.

— У вас были когда-нибудь романы с французами?

— Я бы не сказала, что у меня. У них — были. Они вообще другие — французы.

— Чем? Уаживают красивее?

— Уаживают они красиво, но у них есть черта — не хочу всех французов обидеть — это то, что они называют «экономность», и для них это положительно окрашено, а для нас это называется «жадность». Или «жмотство». У меня есть только одна знакомая, которая замужем за французом и с этим не столкнулась.

— Какое ваше самое любимое место во Франции?

— Это не место, это ритуал. Очень люблю прощаться с Парижем. Я там практически всегда бываю как переводчик. На полдня остаюсь в одиночестве. Иду по Парижу. Покупаю настоящий французский бутерброд и красное вино. Сажусь на нижнюю набережную Сены, на газету, смотрю, как течет Сена, а по ней плывут знаменитые туристические кораблики...

— Французскую литературу любите?

— Конечно. Я ее еще и немножко преподаю. У нас есть курс «Литература XX века». Люблю Бориса Виана.

— «Пену дней»?

— Да, я аплодирую переводчикам — перевести такую сложнейшую вещь! Студенты у меня читают «Пену дней» и сначала ничего не понимают. А потом наслаждаются. Вианом я курс завершаю. Первым идет Экзюпери, потом в небольшом объеме — Сартр, Камю, как великий гуманист...

— А Саган?

— Саган обязательно, поскольку аудитория — женская, и обязательно «Здравствуй, грусть». Говорю — это написала ваша ровесница. Потом два романа по выбору. Я очень долго думала, как подойти к Саган, потому что, с одной стороны, это женская литература, а с другой — это не «что-то». И мне кажется, нашла. Взяла абсолютно фантастическое по идиотизму произведение — «Свадьба колдуньи», типично «карманный» роман, и показала, чем отличается совершенно плохая женская литература от очень хорошей.

— Что вы читаете русское?

— Русскую классическую литературу и утешаюсь ею. Я «толстоманка» и очень люблю «Дневники» Толстого.

— А что вы вкладываете в слова «я утешаюсь ею»? И как часто вам приходится утешаться и от чего?

— Вообще я по натуре оптимистка. Исповедую цветастые строки «мечтать о Ниле, радоваться луке». Так что утешаюсь я в хорошем смысле. Вот, например, муж у меня — страстный любитель спорта. В это время телевизор мне не принадлежит. И надо готовиться к лекции. Я беру Лотмана. Очень интересные его интерпретации XIX века. Как изменился, допустим, с тех пор концепт «честь»...

— То есть когда муж в футболе, вы изменяете ему с Лотманом?

— Да! В этом я абсолютно грешная женщина. Он меня еще к Льву Гумилеву ревновал, когда тот был жив. Я неслась к телевизору, расшибая нос, чтобы увидеть его.

— Интеллигентная грешница...

— Про интеллигентность хорошо говорил Лихачев. Можно прикинуться кем угодно — добрым, честным, умным даже. А вот интеллигентом прикинуться невозможно. И Никита Толстой... Когда в неприятные странные времена интеллигентия растерялась, потому что не знала, как жить в этой ситуации, и стала спрашивать, что делать, Никита сказал: «Воспарить и терпеть».

— Вам бывает хреново?

— Конечно. Я считаю, если человеку не бывает «хреново», он просто, как бы это помягче выразиться... У русского человека часто появляется неосознанная тоска. Во французском языке нет такого понятия.

— А во французском языке есть слово «душа»?

— Есть. Но оно гораздо менее частотное, чем в русском. Так же как и «совесть». А слова «раздолье» вообще нет во французском языке.

— Есть на свете человек, который знает о вас все?

— Нет. Как-то не очень хочется совсем открываться. Пожалуй, самым близким человеком была мама.

— А как вы расслабляетесь?

— Расслабляюсь я на даче. Роскошное место между Выборгом и Приморском. Соседи на меня там смотрят сочувственно. Это бывшее пионерское футбольное поле, вытопанное многими поколениями. На нем стоит мой небольшой домик. Кроме трех сосен на поле ничего не растет. Главное — в них не заблудиться...

Наталья КУЗНЕЦОВА